Downloaded from UvA-DARE, the institutional repository of the University of Amsterdam (UvA)
http://dare.uva.nl/document/107635

File ID	107635
Filename	Chapter 1:Vvedenie

SOURCE (OR PART OF THE FOLLOWING SOURCE):

Type	Dissertation
Title	КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ : АНАЛИЗ ЛОКАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИНАМИЧЕСКИХ И СТАТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЯХ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ
Author	A. V. Podgaevskaja
Faculty	Faculty of Humanities
Year	
Pages	361
ISBN	978 90 6143 325 5

FULL BIBLIOGRAPHIC DETAILS:
http://dare.uva.nl/record/273983

Copyright

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use.

UvA-DARE is a service provided by the library of the University of Amsterdam (http://dare.uva.nl)

1 ВВЕДЕНИЕ

Ориентация человека в пространстве, его соположение с пространственными объектами и их восприятие являются (наряду с телесным опытом) важнейшими моментами в освоении действительности, потому они и занимают центральное место в наших когнитивных представлениях. Несмотря на столь очевидную визуальную конкретность пространственных объектов, их концептуализация и языковое выражение вовсе не столь однозначны, а структуры, передающие локативные отношения, крайне разнообразны.

За последнее десятилетие вышло в свет немало работ, посвященных анализу различных способов концептуализации, репрезентации и категоризации пространства в языке. Проводились психолингвистические эксперименты со взрослыми, детьми, младенцами, глухонемыми, а также людьми, страдающими различными отклонениями в языковом развитии. В исследованиях привлекались данные не только западноевропейских, но и многих экзотических языков (коренного населения Африки, Америки, Океании). Назовем в этой связи лишь несколько сборников работ и монографий: *Space in Languages: Linguistic Systems and Cognitive Categories* (Hickmann, Robert 2006), *Grammars of Space* (Levinson, Wilkins 2006), *Space in Language and Cognition* (Levinson 2003), *Representing Direction in Language and Space* (van der Zee, Slack 2003), *Motion, Destination and Location in Languages* (Shay, Seibert 2003), *Language and Space* (Bloom, Peterson 1996) и др.

Как видно, все эти исследования выполнены в русле когнитивной лингвистики/семантики. Все более активное применение методов когнитивной науки в описании языковых явлений объясняется широко утвердившимися в наше время представлениями о том, что функционирование лексической единицы определяется не только языковой системой, но и тем, как носители языка взаимодействуют с внешним миром, как они его концептуализируют. Действительность не отражается напрямую в языке, а преломляется в нашем сознании, создающем различные когнитивные конструкты, концепты, которые обладают зачастую сложной структурой. Таким образом, семантическое содержание языкового знака не сводится только к внутренним свойствам, присущим объекту или ситуации, но

включает, что наиболее важно, и способ нашего ментального представления о них (Langacker 1988a: 6-7).[1]

Большинство работ по локативным отношениям посвящено описанию статических и динамических ситуаций, в которых задействовано по меньшей мере два участника – «объект» и «место», обозначаемые в когнитивной лингвистике как *тема* (*референт*) и *релятум* (theme and relatum) (Селиверстова 2000: 190) или как *фигура* и *фон* (figure and ground), термины гештальтпсихологии (Talmy 1983: 232; Кубрякова и др. 1996: 185).[2] Однако дальнейшая разработка локативных отношений (не обязательно в рамках когнитивной парадигмы) и уточнение данных понятий привели к появлению новых обозначений: *локум* для «места» (Всеволодова, Владимирский 1982: 6), а также *траектор* и *ландмарк* (trajector and landmark) (Langacker 1991).

В статической картине пространства рассматривается не только взаимное расположение объектов и мест, но и позиция наблюдателя (см. подробнее об этом Ungerer, Schmid 1997; Levinson 2003), а в динамической – различные способы перемещения, включающие в себя старт, трассу (траекторию, путь) и финиш (движение к цели без захода или с заходом) (см. Всеволодова, Владимирский 1982: 10; Бондарко и др. 1996: 8 и далее). Основные способы локализации и перемещения отражены в образных схемах (image schemas), ментальных структурах, организующих наш реальный опыт (Johnson 1987: 29). Для местонахождения и взаиморасположения выделяются схемы: «содержащее-содержимое» (*container-contained schema*), «поверхность» (*surface schema*), «контакт» (*contact schema*), «впереди-позади» (*front-back schema*) и «верх-низ» (*up-down schema*), для перемещения – «старт-трасса-финиш» (*source-path-goal schema*) и т.д. (см. подробнее об этом Lakoff 1987; Swanepoel 1998: 658).

Среди релятумов исследователи выделяют предметные, такие как *стол*, *шкаф*, *стена* и т.д., с которыми локализуемый объект может находится в отношениях конкретной сопространственности, допускающей противопоставление внутреннего объема внешней поверхности, и пространственные, такие как *дворец*, *степь*, *Алтай* и т.д., когда локализуемый объект пребывает

лишь в границах локума, но не может находиться в непосредственном контакте (Всеволодова 1982: 13, 30).

Если в большинстве европейских языков[3] локализация, как правило, выражается посредством предлогов, предложных имен и падежей, то различные способы перемещения актуализируются в основном или с помощью корневой морфемы глагола, или с помощью всевозможных комбинаций приставок, предлогов и глагольных частиц. Подобные наблюдения дали возможность Talmy говорить о так называемых *verb-framed* и *satellite-framed languages* (Talmy 2000).[4] Однако, как отмечает Creissels, преобладание одного способа выражения локативных отношений в западноевропейских языках не исключает наличия другого (Creissels 2006: 21).

Многочисленные исследования, проводимые на материале одного или нескольких языков, показали, что ситуации движения к цели (с заходом или без захода) и нахождения в ней в различных западноевропейских языках могут выражаться:

- только при помощи глагола, семантика которого активно участвует в выражении локативных отношений: глаголы движения указывают на направление, а глаголы местонахождения – на локализацию (Бондарко и др. 1996: 20). Так, например, во французском или болгарском языках:

(1) Il *va* à Paris
'Он едет в Париж.'
(2) Il *vit* à Paris
'Он живет в Париже.'

(3) *Отивам* в София.
'Еду в Софию.'
(4) *Живея* в София.
'Живу в Софии.'

- при помощи глагола и падежных окончаний, как, например, это было характерно для раннего этапа древнерусского языка, где с помощью винительного падежа обозначалось движение, а с помощью предложного –

местонахождение (Топоров 1961: 10-66; Станишева 1966: 58-72; Крысько 1997: 53-59):[5]

(5) Оулѣбъ же внида Чернигов приде из Цр҃града… (Станишева 1966: 60)

(6) … князю Владимеру Новѣгородѣ княжящю… (Топоров 1961: 18)

▪ при помощи глаголов и предлогов, противопоставленных по признаку «перемещение ↔ локализация». В ситуации перемещения предлог указывает на факт движения к локуму, а в ситуации местонахождения – на возможный контакт с последним, но не профилирует геометрическую форму самого локума, который видится как некая пространственная сущность, лишенная всякой определенности, где общая сопространственность реализуется в предельной степени. Конкретизация представлений о локуме должна восстанавливаться через более широкий контекст и общие знания о мире. Подобное употребление обязательно, например, для португальского языка (а также испанского и итальянского), но возможно и в английском:

(7) Vou ao hospital/à praça.
'Я иду в больницу/на площадь.'

(8) Estou no hospital/na praça.
'Я в больнице/на площади.'

(9) I go to the hospital/to the square.
'Я иду в больницу/на площадь.'

(10) I am at the hospital./I am standing at the square.
'Я в больнице/стою на площади.'

Употребление английского предлога *at* предполагает, что локум представляется лишь некоторой точкой, лишенной пространственной конкретизации (Leech, Svartvik 1999: 91). Как отмечают исследователи, выбор *at* обусловлен такими факторами, как расстояние между наблюдателем и локумом (чем больше расстояние, тем легче представить пространственный объект как некую точку на карте); компактность локума (континенты слиш-

ком протяженны для точечного восприятия); тип отношений между человеком и локумом (использует ли человек локум как артефакт); что профилируется (само пространство или функционирование в нем) (см. далее Lindkvist 1978: 53; Herskovits 1988: 292; Cienki 1989: 102-109; Lindstromberg 1998: 165-172; Маляр, Селиверстова 1998: 264-273; Leech, Svartvik 1999: 91-95).

▪ посредством глаголов и предлогов, противопоставленных в первую очередь по признакам «перемещение ↔ локализация», а в рамках локализации – по признакам «закрытость/замкнутость ↔ открытость/плоскость». Таким образом, в условиях движения и ориентации форма пространственного объекта не профилируется с помощью предлога, выбор которого актуализируется только в статической ситуации. Это характерно, например, для английского или голландского языков, где геометрическая конфигурация локума становится релевантной только в ситуации местонахождения:

(11) I go <u>to</u> the hospital/<u>to</u> the square.
'Я иду в больницу/на площадь.'

(12) I am <u>in</u> the hospital./I am standing <u>on</u> the square.
'Я в больнице/стою на площади.'

(13) Ik ga <u>naar</u> het ziekenhuis/<u>naar</u> het plein.
'Я иду в больницу/на площадь.'

(14) Ik ben <u>in</u> het ziekenhuis./Ik sta <u>op</u> het plein.
'Я в больнице/стою на площади.'

Так, предлог *in* 'в' обозначает нахождение внутри границ локума, а предлог *on* / *op* 'на' – нахождение на его поверхности.

▪ при помощи соответствующих послелогов или глагольных частиц, как, например, в голландском языке, где глагольная частица в постпозиции указывает на направление движения, а предлог – на локализацию (см. van Staden, Bowerman, Verhelst 2006: 504-506):

(15) Zij reed de weg <u>op</u>.
'Она выехала на дорогу.'

(16) Zij reed op de weg.
'Она ехала по дороге.'

▪ с помощью сочетания предлогов и падежных окончаний. При этом выбор предлога зависит от природы релятума. Так, в чешском и польском языках движение к локуму-вместилищу передается с помощью *do* 'до' с генитивом, а движение к локуму, который видится как открытое пространство, с помощью предлога *na* 'на' и аккузатива:

(17) Jdu do školy/na stadion.
'Я иду в школу/на стадион.'

(18) Idę do szkoły/na stadion.
'Я иду в школу/на стадион.'

В немецком языке выбор предлога зависит от более специфической природы релятума: *zu* 'к' в сочетании с дативом употребляется практически со всеми категориями пространственных объектов, кроме географических названий, где возможны предлоги *nach* 'к' с дативом или *in* 'в' с аккузативом (Bierwisch 1988: 39):

(19) Ich gehe zur Schule/zum Stadion/zur Post.
'Я иду в школу/на стадион/на почту.'
(20) Hans fährt nach Dresden/in den Iran.
'Ганс едет в Дрезден/в Иран.'

Локализация в пределах релятума передается в чешском, польском и немецком языках соответственно посредством *v(e)/w/in* 'в' для замкнутых пространственных объектов и *na/auf* 'на' для открытых или плоскостных объектов:

(21) Jsem ve škole.
'Я в школе.'
(22) (Já) stojím na náměstí/na stadionu.
'Я стою на площади/на стадионе.'

(23) Krávy jsou na louce/na pastvině.
'Коровы на лугу/на пастбище.'

(24) Jestem w szkole.
'Я в школе.'

(25) Stoję na placu/na stadionie.
'Я стою на площади/на стадионе.'

(26) Krowy stoją na łące/na pastwisku.
'Коровы на лугу/на пастбище.'

(27) Ich bin in der Schule/in dem Stadion/in Dresden.
'Я в школе/на стадионе/в Дрездене.'

(28) Ich stehe auf dem Platz.
'Я стою на площади.'

Для некоторого класса релятумов-вместилищ в ситуации движения форма может профилироваться только тогда, когда подчеркивается пересечение границ замкнутого пространства. Ср. немецкий и польский языки:

(29) Sie gingen in die Schule. vs. Sie gingen zur Schule.
'Они вошли в школу.' 'Они шли в школу.'

(30) Weszliśmy w las. vs. Szliśmy do lasu.
'Мы вошли в лес.' 'Мы шли в лес.'

Как замечает Dancygier, употребление польского предлога *w* 'в' с аккузативом возможно, если релятум не обладает четкими физическими границами, в противном случае *w* исключен (ср. ?w pokoj ('в комнату')) (Dancygier 2000: 37).

▪ при помощи предлогов и падежных окончаний. При этом окончания различают динамические и статические ситуации, а предлоги ответственны за профилирование в любой ситуации пространственной конфигурации релятума. Именно такой способ выражения отношений локализуемого объекта и локума в ситуациях движения к цели и нахождения в ней ха-

рактерен для русского языка, что и станет основным объектом нашего изучения.

(31) Я иду в кабинет/в больницу/в деревню.
(32) Мы едем на площадь/на остров/на Дальний Восток.

(33) Я работаю в кабинете/в больнице/в деревне.
(34) Мы живем на площади/на острове/на Дальнем Востоке.

Как показывают исследования, актуализация геометрической формы локума в языках, где возможно ее профилирование с помощью предлогов, проходит на крайне абстрактном уровне: различаются замкнутые/трехмерные, открытые/двухмерные/плоскостные и одномерные/линейные локумы, контейнеры и поверхности, линии и точки (см. Vandeloise 1994: 159-162; Ilola 1995: 189; Swanepoel 1998: 660; Филипенко 2000: 13-16).

Казалось бы, такие признаки, как «закрытость ↔ открытость» или «трехмерность ↔ двухмерность», настолько фундаментальны и поддерживаются в большой мере самой объективной действительностью, что языки последовательно должны реализовывать данное противопоставление. Однако наивная картина мира, присутствующая в сознании носителей отдельного языка, основывается не только на реальной действительности, но и на конвенциональной образности, а также на стандартных узуальных представлениях некоторых ситуаций, которые по своим объективным свойствам и исходя из общих возможностей человеческого восприятия допускают и иное их представление. Установление подобных случаев позволило Talmy говорить о «лингво-культурном предвыборе» (Talmy 1983).

Так, например, противопоставление признаков «закрытость ↔ открытость», выражаемое во многих западноевропейских языках с помощью различных предлогов, не профилируется в испанском, португальском или итальянском языках, что ведет к серьезным трудностям при освоении локативных отношений носителями этих языков (Becker, Carroll 1997: 14-15). В ситуациях контакта с поверхностью в русском языке выбор предлога не зависит от типа поверхности (вертикальная/горизонтальная) и типа кон-

такта, как это характерно, например, для немецкого или голландского языков (*auf / an* 'на', *op / aan* 'на'). Но даже если одни и те же когнитивные признаки присутствуют в сопоставляемых языках, они по-разному могут влиять на концептуализацию тех же самых пространственных объектов. Это особенно касается тех локумов, у которых геометрические параметры наименее однозначны. Поэтому то, что в одном языке осмысляется как замкнутое пространство, в другом может видеться как открытая плоскость, возвышенность и т.д., и наоборот. Так, англичане говорят *in the meadow* (* 'в лугу') или *in the tree* (* 'в дереве'), в то время как в русском правильным будет *на лугу* и *на дереве*; в польском мы услышим *na pustyni* (* 'на пустыни') или *na prerii* (* 'на прерии'), а в русском – *в пустыне*, *в прерии* (см. конкретные примеры в Cienki 1989: 29, 72, 79-82; Маляр, Селиверстова 1998: 31; Селиверстова 2000: 200).

С различными возможностями концептуализации и интерпретации пространственных объектов связан и тот факт, что в отдельном языке один и тот же локум может осмысляться по-разному. Так, например, в польском или голландском языках:

(35) Paczki stoją w/na korytarzu.
'Коробки стоят в коридоре.'

(36) Nikt w/na zamku nie mieszka.
'В замке никто не живет.'

(37) Hij is in/op zijn kamer.
'Он у себя в комнате.'

(38) Er woont niemand in/op het kasteel.
'В замке никто не живет.'

Причины вариативного употребления предлогов *w / in* 'в' и *na / op* 'на' могут быть разными. В польском языке, например, вариативность обусловлена тем, на что направлено внимание наблюдателя/говорящего: внутреннее пространство помещения или только поверхность пола, само здание или здание с прилегающей территорией (Cienki 1989: 85). В голландском

языке, как нам представляется, колебания в выборе предлогов связаны с противопоставлением признаков «пространственность» и «функциональное предназначение/использование» локума как такового, его взаимодействие с человеком.

В отличие от польского и голландского языков, в русском нормативном употреблении вариативность предлогов *в* и *на* при одном и том же объекте находится на периферии системы и сведена к нескольким примерам, хорошо описанным в литературе: *в кухню(-е)* и *на кухню(-е)*, *в огород(е)* и *на огород(е)*, *во двор(е)* и *на двор(е), в квартиру(-е)* и *на квартиру(-е)* и т.д. Однако, как только мы покидаем сферу нормативных употреблений, мы сталкиваемся с совершенно иной картиной.

Даже поверхностное обращение к письменным свидетельствам и фиксациям устной речи убеждает нас в том, что *обратное* (т.е. там, где в норме *в*, в конкретном узусе – *на*, и наоборот), а тем более *вариативное* употребление предлогов *в* и *на* при пространственных объектах в ситуациях перемещения к локуму и местонахождения в нем не случайное отклонение, связанное с недостаточным знанием нормы носителями языка, а закономерное и системное явление, отражающее своеобразие пространственных представлений, которые, однако, парадоксальным образом практически не отражены в современной языковой норме.

Несмотря на жесткую регламентацию употребления предлогов при определенных пространственных объектах, в современном узусе мы нередко встречаемся с обратным употреблением предлогов *в* и *на* при различных локумах. Причем это явление распространено как в сфере устного общения, так и в языке СМИ:

(39) Я <u>в рынке</u> стою. (из разговора по телефону)
(40) Я сейчас <u>в вокзале</u>. (из разговора по телефону)
(41) … вот я недавно прочитала про Абрамовича <u>в Чукотке</u> который… (Rc),[6]

хотя правильным будет сказать *на рынке*, *на вокзале*, *на Чукотке*.

Крайне распространено и смешанное употребление предлогов при одних и тех же локумах:[7]

(42а) Его карьера начиналась на Ставрополье… («Известия», апрель 2002 – Rc)
(42б) … «дело ученых» считается последней громкой акцией Роберта Адельханяна в Ставрополье. («Известия», декабрь 2002 – Rc)

(43а) То, что будет происходить на Поволжье и Кавказе… («Известия», ноябрь 2002 – Rc)
(43б) Больше всего бедных в Поволжье и на Дальнем Востоке. («Известия», июнь 2003 – Rc)

Важно отметить, что и в памятниках письменности мы встречаем многочисленные примеры вариативности не только в бытовой переписке и в фиксациях разговорной речи, где всегда велика доля спонтанности, неподготовленности, но и в различных юридических документах, а также летописях, в которых обязательно присутствует рефлексия над текстом. Приведем несколько примеров:

(44а) А что ти, княже, пошло на Торжьку и на Волоцѣ… (ГВНП, № 14, 1326-27 гг.)[8]
(44б) А что ти, княже, пошло в Торжьку и на Волоцѣ… (ГВНП, № 15, 1371 г.)

(45) … и на манастырь и на манастырскои двор возити … и в манастырь возити. (АФЗХ/3, № 23, 1590 г.)[9]

(46а) … повелѣ его привести в торгъ в таковѣи укоризнѣ. (МЛС, 163)[10]
(46б) Потом повелѣ Кавгадыи в тои оукоризнѣ на торг привести его… (свод 1497 г., 66)[11]

(47а) … и ты приди ко мнѣ в мое подворье… (Fenne, 234)[12]
(47б) … и ты приѣзжай/взъѣзжай на подворье. (Fenne, 198)

В литературных произведениях XVIII – начала XIX века, отражающих период кодификации языка и становления нормы, колебания в употреблении предлогов *в* и *на* при различных пространственных объектах нисколько не были сняты, а еще более осложнились различными заимствованными локумами-реалиями из других языковых «миров».[13] Ср., например:

(48а) В рынок он пошел. (Крылов)
(48б) Идущие на рынок и возвращавшиеся с оного… (Нарежный – Rc)

(49а) Особенно он любил показать себя перед появлявшимися в усадьбе мужиками. (Гарин-Михайловский – Rc)
(49б) На дубровинской барской усадьбе словно все вымерло. (Салтыков-Щедрин)

(50а) Теперь она может жить только в курортах. (Чехов)
(50б) Лев Бродский […] большую часть года проводит за границей на курортах, где есть рулетка. (Витте – Rc),

при ныне нормативных *на рынок*, *в усадьбе*, *на курортах*. Примеры подобных отклонений мы приводим в разделе 3.2. Их можно также найти у Виноградова и Шведовой (1964: 83-88) и у Болдырева (1982: 67).

Если же мы обратимся к современным диалектам, то и здесь мы увидим те же самые явления:

(51а) В балоти есь кулики… (ПОС)[14]
(51б) А на балотах кулички… (ПОС)

(52а) Вот есть такая кладовка … в коридорах ее делают. (НОС)[15]
(52б) У нас раньше все время клеть рубили на коридорах… (НОС)

Конечно, можно утверждать, что колебания в употреблении предлогов *в* и *на* при пространственных объектах объясняются небрежностью носителей языка, незнанием правил, спецификой порождения спонтанной речи, от-

сутствием в диалектах нормы, влиянием соседних языков. Однако все это еще не проясняет самого явления.

Таким образом, смешанное (а в некоторых случаях и обратное) употребление предлогов *в* и *на* при различных пространственных объектах:

- касается наиболее центральных аспектов пространственных представлений;
- отмечается не только в синхронии, но и в диахронии языка;
- характерно для всех типов памятников и жанров;
- затрагивает не только разговорную, но и письменную речь;
- встречается в диалектах;
- в большинстве случаев исключается языковой нормой.

Чем же можно объяснить подобную вариативность, которая спустя два столетия давления литературной нормы не исчезла и даже не ослабла?

К сожалению, существующая по данной теме литература не дает никакого ответа на поставленный вопрос. Те работы, в которых представлено хоть какое-то последовательное описание классов пространственных объектов,[16] рассматривают колебания в выборе предлога как отклонение от нормы, объясняемое своеобразием исторического развития понятия или самого денотата, как «интересную» аномалию (см. Астафьева 1974: 28; Sullivan 1998: 26-28; Селиверстова 2000: 200-201). Другие работы, стремящиеся охватить все многообразие значений предлогов *в* и *на*, лишь «пунктирно» анализируют пространственные контексты, сигнализируя отдельные, наиболее интересные случаи вариативного употребления. Описание диахронии крайне фрагментарно, а диалектный материал в принципе не включается в анализ.

Проблему вариативности предлогов *в* и *на*, однако, нельзя понять, а тем более разрешить, не рассмотрев ее на широком языковом материале, относящемся не только к синхронии, но и к диахронии языка, не познав специфику пространственных представлений о локумах, не определив закономерностей их языкового выражения.

Все выше сказанное определяет цели и задачи нашего исследования:

- базируясь на всестороннем анализе конкретного материала, выделить и подробно описать пространственные категории с четким набором членов;
- выявить локальные концепты, осмысление которых противоречит современной системе нормативных представлений;
- построить описание пространственной концептуальной системы на принципе историзма, что позволит исключить идею отклонений и аномалий в языке;
- представить концептуализацию и репрезентацию конкретных локумов в абстрактных схемах-рисунках;
- представить различия между категориями как дихотомию геометрических («трехмерность» ↔ «двухмерность»), топологических («полная замкнутость» ↔ «частичная замкнутость», «верх» ↔ «низ» и т.д.) и функциональных признаков («профилирование границ» ↔ «профилирование пространства в границах», «однородность» ↔ «неоднородность», «погруженность в пространство» ↔ «контроль над пространством» и т.д.);
- разработать подход, в котором определяющую роль будет играть фокус внимания говорящего/наблюдателя и который позволит адекватно объяснить проблему вариативности (характерную не только для русского языка);
- дать законченное описание пространства в русской наивной картине мира;
- составить алгоритм, по которому можно будет безошибочно определять концептуализацию и ментальную репрезентацию любого нового члена любой пространственной категории;
- детально изучить явление вариативности не только в языковой синхронии, но и на историческом и диалектном материале;
- доказать, что явление вариативности характерно для языковых представлений о пространственных объектах на протяжении всего периода развития русского языка.

Решение поставленных задач и определяет структуру данной работы. Во второй главе будет представлен теоретический обзор работ, связанных с описанием локативных отношений, выраженных с помощью предлогов *в* и *на*, как в отечественной, так и в зарубежной традициях, разобраны различные подходы к анализу материала и сформулированы новые. В третьей главе будет дан конкретный всесторонний анализ современного материала с опорой не только на нормативное употребление, но и на разговорный узус, сформулированы основные пространственные категории, представлены абстрактные схемы-рисунки, предложен алгоритм определения и включения новых членов в различные категории, описана наивная языковая картина пространства так, как она отражена в нормативных представлениях, выявлен набор локумов, допускающих двойную интерпретацию, зависящую от фокуса внимания говорящего/наблюдателя. В четвертой главе на основе анализа материала юридических документов, грамот, летописей и фиксаций разговорной речи, относящихся к XIV – XVII векам, будет дан полный обзор пространственных объектов и категорий, прослежена динамика изменения ассоциаций и интерпретации некоторых локумов, влияющая в определенных локативных ситуациях на выбор соответствующего предлога, исследована и объяснена вариативность *в* и *на* при одних и тех же локумах, показано, что данная вариативность является отражением гибкости языковой когнитивной системы и может служить дополнительным показателем «русскости» письменного источника. В пятой главе будет проанализирован материал среднерусских западных и восточных диалектов, описано своеобразие ‘диалектного’ пространства и доказано, что колебания в выборе предлогов *в* и *на* при отдельных локумах характерны для всего русскоязычного ареала.